

*УДК 81.351.003.23

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ БУКВЫ «Ё» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ПИСЬМЕННОМ СОЗНАНИИ

В.Э. Будейко

Челябинский государственный университет, Челябинск

В статье содержатся результаты исследований графики русских букв, на примере буквы «ё». Графическая традиция этих букв восходит к древнерусской и церковнославянской письменности в культурном и коммуникативном контексте. Приводимые положения основаны на традиционных и новых методах международной и отечественной грамматологии.

Ключевые слова: буква, азбука, алфавит, русский язык, церковнославянский язык, имя буквы, буквенная графика, эйдос (ΕΙΔΟΣ).

Some Problems of the Letter «ё» in Modern Russian Writing and in Writing Consciousness

Valery Ed. Boudeyko

Chelyabinsk State University

The article is devoted to results of investigations of Russian letters graphics, for example of the letter «ё». Graphical tradition of the letters comes of Old Russian and Church Slavic writing in cultural and communicative contexts. The theses are based on traditional and new methods of international and Russian grammatology.

Key words: letter, azbouka, alphabet, Russian language, Church Slavic language, name of letter, drawing (graphica of letters), eidos.

За последние 300 лет русское письмо претерпело ряд реформенных перемен, которые коснулись и внешнего облика (образов) русских букв. Общеизвестно, что русское письмо генетически и эйдетически (по образу письмен) связано с письмом церковнославянским, кириллическим, что в какой-то мере сказывается и на тех не всегда понятных процессах, которые называются инертными и которые на самом деле связаны с глубинными процессами динамики, энергеи (термин В. фон Гумбольдта) языкового русского сознания и письменного в том числе.

Наша скромная статья не претендует на системность изложения затронутой проблемы, но некоторых важных вопросов мы обязаны коснуться на примере буквы «ё», которая, как хорошо известно современным историкам и теоретикам русского письма, была введена в письменный оборот позже становления ёканья в разговорной речи XVI-XVII вв., когда в некоторых говорах (диалектах) этот процесс ёканья происходил и под ударением, и в безударной позиции гласного [jo].

В письменной речи потребовалось введение особого знака для передачи такого произношения. По наблюдениям Е.В. Пчелова, в «Волынской краткой летописи» (ранее 1980 г. её называли «Киевская сокращённая летопись»), известной по Супрасльской рукописи первой половины XVI в., есть «надстрочный знак в виде двух косых чёрточек (так называемое “двоеточие свыше”, “верхнее двоеточие”) над буквой е»

[7. С. 140]. Подобный диакритический знак употребляется в современной церковнославянской письменности под названием «киндема». Но в средневековых этих рукописях встречается такой знак и над гласным ударным, и в безударном положении [10. С. 3].

Начиная с XVIII в. в русской письменности ёкающее произношение обозначалось различными способами: В.Н. Татищев использовал для этого звука – «іо» (1736 г.). В.Е. Адодуров применил «двогласную литеру» в виде «іо» под «крышечкою» (^) или под «каморою», известную из церковнославянского письма; причём «камора» ставилась между и над буквами «іо» (Грамматика 1738-1739 гг.). С большим сомнением относился к целесообразности употребления такого диграфа М.В. Ломоносов (1757 г.), А.П. Сумароков решительно возражал введению и диграфа, и какого-то иного знака в русскую азбуку (1760-е гг.). Однако во времена Екатерины II диграф «і^о» или «іô» вошёл в употребление благодаря влиянию церковнославянского письма и его традиции, если говорить о вышеупомянутом надстрочном знаке «камора» (1762 г.). Так, 18 ноября 1783 г. (по юлианскому календарю) президент Академии кн. Е.Р. Дашкова внесла предложение о введении в русский алфавит «іô» или «іôты» для выражения звука [jo] под ударением. Российская Академия одобрила это предложение и уже в «Словаре Академии Российской» (в первом издании 1789-1794 гг.) диграф «іô» присутствует в словах: іôжь, мотыліôкъ, нашліôпать, раіôкъ, семіôрка, полотіôръ [8]. Надо заметить, что тогдашняя алфавитно-графическая идея Академии Наук заключалась в том, чтобы фиксировать фонетику русского разговорного языка, для чего и вводились дополнительные знаки в русский алфавит, кроме того, сочетая старое и новое, не разделяя русский язык и церковнославянский, в вышеупомянутом академическом словаре сохранять опору на церковнославянское письмо. Подтверждением этому были многочисленные ссылки в словаре на церковнославянский образ слов, а также сохранение буквы «і» и данного «іô» диграфа, у которого камора ставилась точно над и между двумя знаками «іо».

Вопреки распространённому мнению буква «ё», в ее современном виде (эйдосе), впервые была напечатана не в 1797 г., а после июля (осенью) 1795 г., во втором издании сборника «И мои безделки» Ивана Ивановича Дмитриева (1760-1837) в сказке «Причудница» (из Вольтера) в слове «всё» (С.76: «Всё эдакъ, такъ тоска возметь и среди рая! / *Всё* чудо изъ чудесь, куда ни поглядишь...»). В первом издании этой книги буква «ё» ещё не печаталась. Примечательно, что издание было подготовлено в Московской университетской типографии [7. С. 143]. Таким образом, из истории русской графики следует, что генезис этой буквы связан с его церковнославянским эйдосом, восходящим к вышеупомянутой Супрасльской рукописи 1-й половины XVI в. И потом уже видим «ё» в 1-м московском сборнике альманаха Н.М. Карамзина «Аониды» (1796 г.), в

анонимной басне «Соловей, галки и вороны» в слове «зарёю». Как известно, в популярной литературе первенство применения «ё» приписывается Н.М. Карамзину. И.И. Дмитриев был дальним родственником ему, печатался в его изданиях, и, возможно, техническая идея использования «ё» принадлежит Н.М. Карамзину, ведь на «Супрасльской рукописи», куда входила «Киевская сокращённая» (она же «Волинская краткая летопись»), оставлены пометки историка Н.М. Карамзина, т.е. его знакомство с графикой «киндем» несомненно [6. С. 384-386]. Позднее мы находим «ё» у Н.М. Карамзина в стихотворении «Опытная Соломонова Мудрость, или Мысли выбранныя изъ Экклезіаста» (1797 г.) и так далее.

Но судьба этой факультативной буквы была непростой, потому что, во-первых, тогдашняя печать нуждалась в особой литейной форме для этой буквы, т.е. при употреблении большого числа букв в тексте требовалось и немалое количество литер «ё». Это условие сдерживало частое употребление этой буквы, поэтому её печатали очень редко из-за недостатка литер в наборе. Вторая причина, тоже немаловажная в культурном контексте, заключалась в том, что письменное сознание грамотной части общества, а грамотность была тогда не повсеместной, не принимало просторечного произношения, которое ассоциировалось с ёканьем. Образованное русское общество приобретало грамотность и письменную культуру на основе традиционной церковнославянской книжности, поэтому общая тенденция письменного сознания, включая литературное произношение, не предполагала возможное, позвольтельное использование этого знака (буквы «ё»). Это была причина немаловажная, если иметь в виду именно письменное сознание XVIII и XIX вв. Как увидим далее, эта инертность сказывается довольно долго в истории нашего письма, и это тоже следует, понимая, учитывать.

Именно поэтому президент Российской Академии А.С. Шишков не использовал букву «ё», исключая и диграф «іѳ» из своей письменной деятельности, хотя по свидетельствам многих русских палеографов букву «ё» в своей письменности применяли позднее А.С. Пушкин, В.К. Кюхельбекер, императрица Елизавета Алексеевна, Ф.И. Тютчев, А.Н. Плещеев, И.И. Лажечников, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, император Николай II и его дети, вел. князь Сергей Александрович Романов и др.

По вышеуказанным причинам в русских грамматиках буква «ё» не входила в алфавитный перечень даже в XIX в. В «Новой азбуке» 1875 г. Л.Н. Толстого, по его собственному почину, буква «ё» находится в самом конце русской азбуки, после «ятя» [3. С. 445], что весьма знаменательно.

В XIX столетии при обсуждении орфографических реформ учёные касались и проблемы введения буквы «ё» в русский алфавит. Однако решительного введения этого знака в «Постановлениях» Орфографической

подкомиссии «Комиссии по вопросу о русском правописании» Академии наук 1912 г. мы не находим, потому что «Подкомиссия признала употребление буквы «ё» желательным, но не обязательным». Подобное половинчатое определение содержится и в «Постановлениях совещания по вопросу об упрощении русского правописания» при Академии наук (11.05.1917 г.). Подобное есть и в декрете Наркомпроса о введении нового правописания (с 1.01.1918 г.) от 23.12.1917 г., но в декрете Совнаркома о введении новой орфографии (с 15.10.1918 г.) от 10.10.1918 г. указание о введении буквы «ё» в русское письмо отсутствует, из чего следует, что буква «ё» осталась, как и прежде – факультативной. В то время, надо признать, учитывались трудности, связанные с войной и разрухой в стране.

Введению буквы «ё» в русскую письменность способствовал И.В. Сталин, который в своих текстах после 1941 г. использовал её как обязательную, в отличие от тогдашних академиков-филологов, в текстах которых мы этого знака не находим. Вероятно, поэтому 24.12.1942 г. приказом наркома просвещения РСФСР В.П. Потёмкина эта буква была в обязательном порядке введена в школьную практику: надо полагать, что через школьную практику глава СССР надеялся постепенно ввести её в письменное употребление. Однако новыми «Правилами русской орфографии и пунктуации» в мае 1956 г. буква «ё» опять признавалась факультативной, а её использование предполагалось только для предупреждения неверного чтения и понимания слова («все» и «всё»), а также в книгах особого назначения: словарях, букварях, изданиях, предназначенных для обучения иностранцев. Но это положение не исполняется и по настоящее время за некоторыми редкими исключениями. Так, в академической статье С.С. Аверинцева «Предварительные замечания к поэме Вяч. И. Иванова “Человек”» невозможно понять из контекста, что подразумевает автор, когда пишет: «*Все* – в едином» [1. С. 62], или «Славянофильская концепция “соборности”, как и приведенный с ней в доброе согласие идеал “народоправства”, заново согреты и сплавлены воедино непосредственной интуицией: «*все* за всех» (ср. стихотворение 1919 г. с посвящением Г.И. Чулкову)» [1. С. 65]. Непонятно, где здесь «все», а где «всё»? Примечательно, что издание не использует букву «ё».

Широко известны беды, которые несёт неупотребление «ё» в документах гражданского оборота, когда родственники оказываются с разными фамилиями, потому что у одного в документах фамилия *Левин*, а у другой – *Лёвина*, или у одного – *Королёв*, а у другой – *Королева*.

Буква составляет текст, она входит в тело графического слова и даёт целостное *лицо*, *эйдос*, поэтому часть в некоей осознаваемой нами мере держит целое, а целостное восприятие важно для восприятия и понимания всего текста. Известно, что реформы XVIII-XX вв. нашей азбуки, графики, орфографии повлияли и на целостный образ русской письменности, на что

указывает Н.Д. Голев, когда пишет, что «повседневная письменно-речевая деятельность рядовых носителей русского языка обнаруживает тенденции к холистичности и иероглифичности, проявляющиеся в стремлении к целостному охвату зрением написанного слова...» [5. С. 303-304].

Реформа 1917-1918 г. изъяла буквы («і», «ять»), знаки, в которых верхняя часть выходит за верхнюю кромку строки. Итогом таких изъятий явилось ухудшение смыслоразличительного образа, эйдоса букв, причём такой показатель явно ниже западных латинских письменностей. Для письменной целостности полезно достаточное количество знаков своеобразных, выразительных, придающих слову свой образ. Более того, некоторые буквы должны выступать за нижнюю или верхнюю кромку, линию строки. Выход букв за кромки в разумных соотношениях определяет изначальное для письма потенциальное графическое совершенство алфавита. Это полезно и для глаз (не утомляет зрение скудостью текстового орнамента), а также ускоряет чтение, радует глаз своим многообразием и символической причудливостью, менее утомляет нервную систему, работающую в напряжённом режиме сосредоточенной дешифровки одной сигнальной системы и перевода – в другую. Вероятно, что существует некий закон поглощения внешней информации человеческим вниманием, при котором чем больше объём информации содержит знак, тем полнее он усваивается сознанием, мышлением [4].

Самым совершенным, по этому критерию, европейским алфавитом в графическом отношении ранее считался древнегреческий алфавит. В этом алфавите большое количество букв (13 из 24 / 27) выступает над строчными кромками (β , γ , δ , ζ , θ , λ , μ , ξ , ρ , ς , ϕ , χ , ψ), что очень важно и полезно для восприятия при быстром чтении – над верхней кромкой особенно, нежели под нижней линией печатной, рукописной строки, поскольку в греческой письменности ещё и много диакритических (надстрочных) знаков.

Для примера предлагаем рассмотреть таблицу расчётов, которая содержит следующие показатели: 1-й столбец – наименование письменности или текста; 2-й столбец – указание количества букв / иных знаков в алфавите и соответствующий базовый процент; 3-й столбец – число букв и диакритических знаков с выступающими графическими элементами над верхней кромкой в алфавите и их процент по отношению к общему числу знаков в алфавите; 4-й столбец – число букв и диакритических знаков с выступающими элементами над верхней кромкой в среднестатистическом тексте (в расчёт не брались прописные буквы) – в процентном отношении; 5-й столбец – число букв и иных знаков с выступающими элементами за нижнюю кромку в среднестатистическом тексте – в процентах. Нами взят среднестатистический текст объёмом в 1000 знаков, 20 раз в разных выборках. См. пояснительный рисунок:

буква

верхняя кромка строки

нижняя кромка строки

Наименование письменности или источника исследования текста	Количество букв / знаков в алфавите	Количество букв и иных знаков с выступающими графическими элементами		
		В алфавите	В среднестатистическом тексте	
			Над верхней кромкой	За нижней кромкой
Латынь классическая	25	11 / 44,00%	28,66 %	6,12 %
Французская XX века	26	13 / 50,00%	31,34 %	5,89 %
Английская XX века	26	9 / 34,62%	30,41 %	8,93 %
Польская XX века	32	16 / 50,00 %	27,86 %	15,19 %
Финская XX века	27	11 / 40,74%	40,42 %	6,09 %
Древнегреческая до Р.Х.	27	13 / 40,74%	45,49 %	17,79 %
Греческая Псалтирь 944 г.	27	13 / 40,74%	45,33 %	17,51%
Греческая XX века	24	6 / 25,00 %	30,02 %	13,71 %
Кириллическая / Евангелие 1393 г.	43	7 / 15,92%	19,45 %	15,97 %
Киевская Псалтирь 1397 г.	43	7 / 15,92%	17,99 %	16,02 %
Кириллическая н. XVIII в.	41	10 / 24,39 %	13,15 %	13,42 %
Гражданица XVIII–XIX вв.	35	4 / 11,43%	6,35 %	11,01 %
Русская (советская гражданка) с 1918 г.	33	3 / 9,09 %	2,30 %	11,00 %
Белорусская XX в.	34	6 / 17,65%	8,21 %	15,42 %
Украинская XX в.	32	4 / 12,5 %	5,45 %	15,65 %

Разбирая табличные данные, можно видеть, что европейские алфавиты, основанные на латинице, выдерживают соотношения, близкие латинскому классическому показателю (25 / 11). Вероятно, «золотое правило соотношения» – 2 / 1, а часто выступающие буквенные символы, сливающиеся воедино, затрудняют восприятие текста. Очевидно, что текстовый целостный орнамент древних письменностей внушает некое эстетическое восхищение символическим многообразием и графической причудливостью. В английском и французском алфавитах на среднестатистическую сотню букв печатного или письменного текста приходится выступающих приблизительно 40 знаков, а в русском – 18 (но без «ятя» и «і») эта доля снижается до 13, за верхнюю кромку заходят – 6, за нижнюю – 12 знаков). Этот недостаток стал следствием петровских реформ XVIII в., до того времени старорусская графика по совершенству сравнима была с латинской и греческой. Изъятие из нашего алфавита в 1918 г. двух выступавших за верхнюю кромку букв («ятя», «і») является очевидным недостатком в графическом отношении. Напомним, что в употреблении в современном русском письме не 33, а 32 буквы, ибо «ё» встречается чрезвычайно редко в печатных текстах (исключение составляют тексты для детей и некоторые литературные издания).

С точки зрения принципа благоприятной психологии чтения: приемлемой или удобной восприимчивости буквы читателем (простая зрительная различимость графического знака), где знак имеет своё направление или обращённость: налево или направо от бегущего взгляда читателя. Лёгким в нашем случае является чтение букв, направленных своими выступающими частями как бы навстречу движению читающего взгляда, т. е. с левой обращённостью. В кириллической азбуке (строгий устав) большинство букв не имеют обращённости или направления: А, Д, Ж, И, М, Н, О, П, Т, Ф, Х, Ш, Щ, S, I, ω (омега), Ю, юсы, Ψ (пси), Θ / θ

(фита), *V*, или имеют обращённость противную направлению чтения, в иную сторону – е йотованное, ħ (г`ервь), ц, ы, б, в, г, е, к, р, с, но есть и знаки с обращённостью навстречу к взору читателя (слева направо) – а, з, л, ч, ъ, «ять», я, или «азь йотованный», «кси». Такой недостаток графической обращённости восполнялся изъятыми в 1918 г. буквами – ъ «ерь», «ять», которые часто встречались в окончаниях слов в прежнем правописании, направляли слово навстречу читательскому взору и тем самым облегчали восприятие и узнавание слова. Так, на лёгкость усвоения и удобство понимания при чтении, о чём писал и Л.Н. Толстой [11. С. 12], влияют целостные графические, психологические и культурно-эстетические причины. Вопрос о целостности текста до Н.Д. Голева ставил только Л.Н. Толстой. Суть этих доводов в следующем: а) разнообразие символов как стимул смысловозначения (букв и диакритических знаков, здесь следует вспомнить принцип антистиха, использованный вслед за византийскими греками русскими книжниками); б) богатство текстового орнамента (непохожесть, различие множества графических знаков); в) количество (алфавитный объём) букв и диакритических знаков, которые выступают за общую кромку, особенно за верхнюю кромку.

Все эти причины (факторы) напрямую увеличивают скорость чтения и усвоения текста, менее утомляют глаза своей живостью, красотой, разнообразием. Обобщая данные вышеприведённой таблицы и исследования графической стороны кириллицы, можно сказать, что «эволюция» кириллицы в графическом смысле является спорной, а её упрощение трудно назвать *«прозападным или провосточным»*.

Что касается буквы «ё», то русский текст без «ё» на среднестатистическую тысячу знаков даёт только 2,3% знаков, выступающих за верхнюю линию печатной строки (такowymi являются только: б, й, ф, для сравнения: в латинице намного больше таких знаков: b, d, f, h, i, j, k, l, t, а также есть знаки, обозначающие, например, умлауты в немецком письме и т.п. диакритика), при печатании «ё» этот показатель увеличивается до 3,1%, что выгодно повышает смысловозначительный эффект текста, улучшает восприятие слова (ускоряет прочтение и понимание текста).

Однако, как видим, общественное сознание отразило изначальное скрытое неприятие «ё» для высокого стиля в своих текстах и устойчивых выражениях, которые носят скабрёзный, внелитературный характер: «ё-моё», «ё-кэ-лэ-мэ-нэ», «ё-пэ-рэ-сэ-тэ» [2; 10] и т.п. При всей случайности и совпадениях эти выражения свидетельствуют явно о низком статусе «ё» на архетипическом, фольклорном уровне! Почему? В этом совпадении предстоит разобраться и узнать истину в будущих наших исследованиях, но эти факты остаются языковой реальностью.

Итак, история буквы «ё» весьма показательна для нашей письменной культуры, поскольку такая история рисует сложную картину или даже

диалектическое единство разных факторов, причин, способствующих либо узаконенному введению, либо реальному изъятию этой буквы из русской письменности.

Библиографический список

1. *Аверинцев С.С.* Предварительные примечания // Иванов, Вяч. И. Человек: Приложение: Статьи и материалы / Сост. А.Б. Шишкин. М.: Прогресс-Плеяда, 2006. С. 51-72.
2. *Белянин В.П., Бутенко И.А.* Живая речь: Словарь разговорных выражений. М.: ПАИМС, 1994. 192 с.
3. Большая иллюстрированная энциклопедия «Русский мир». М.: «Иллюстрированная энциклопедия русский мир», 2008. Т. 10 (Брадбери-Бурдур). 528 с.
4. *Будейко В.Э.* Проблемы представления информации в алфавитах (на материале кириллицы восточнославянских языков): Монография / Научн. ред. Л.А. Шкатова. Челябинск: Энциклопедия, 2012. 300 с.
5. *Голев Н.Д.* Массовое письменное сознание // Кириллица – латиница – гражаница: Коллективная монография / Отв. ред. Т.В. Шмелева. НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2009. С. 283-306.
6. *Новикова О.Л.* К истории изучения Супрасльского летописного сборника в первой трети XIX в. // ТОДРЛ. Т. 50. СПб., 1996. С. 384-386.
7. *Пчелов Е.В.* Буква Ё в русской азбуке и письменности // Палеография и кодикология: 300 лет после Монфокона: Материалы междунар. науч. конф. Москва, 14-16 мая 2008 г. / Редкол.: Б.Л. Фонкич (отв. ред.) и др.; Ин-т всеобщ. истории РАН, Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Каф. источниковедения и вспомогат. ист. дисциплин. М.: ИВИ, 2008. С.139-148.
8. Словарь Академіи Россійской. Часть I-VI: отъ А до V. СПб.: Издан. Имп. Академіи Наукъ, 1789-1794. Т. 1-6.
9. Словарь современного русского города: ок. 11 000 слов, ок. 1 000 идеоматических выражений / Под ред. Б.И. Осипова. М.: Изд-во «Русские словари»: Изд-во Астрель», 2003. 576 с.
10. Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенныя летописи / Изд., комментарий кн. М.А. Оболенскаго. М.: Синод. тип., 1836. 205 с.
11. *Толстой Л.Н.* Заметки о правописании // Родная рѣчь. 1905. № 6. С. 12.